

АКАДЕМИК Б. А. ТУРАЕВ И РУССКАЯ НАУКА

Проф. И. Бороздин

Более четверти века прошло со дня смерти одного из крупнейших русских учёных, выдающегося историка древнего Востока, первоклассного египтолога и абиссиноведа, академика Бориса Александровича Тураева. Теперь, на расстоянии значительного отрезка времени, можно особенно осознать и оценить тот огромный вклад в русскую и мировую науку, который сделал академик Тураев. Исследовательская работа Б. А. Тураева отличалась исключительно широким размахом: она охватывала все основные разделы истории древнего Востока, христианского Востока, египтологии, коптологии, абиссиноведения и др. О каждой из отраслей его научной деятельности надо писать и говорить особо.

Б. А. Тураев, прочно вошедший в пантеон мировой науки, прежде всего сознавал себя русским учёным. Это был учёный-патриот в самом подном смысле слова. Тураев пламенно любил свою Родину и гордился успехами и достижениями великого русского народа. Особенно внимание его привлекали завоевания русской науки, не всегда вовремя и в достаточной степени оцениваемые на Западе. Но, неукоснительно отмечая успехи русских учёных, Б. А. Тураев никогда не успокаивался на достигнутом и настойчиво требовал неустанный движения вперёд. Б. А. Тураев особенно подчёркивал, что на долю русской науки выпали огромные задачи и она должна разрешить эти задачи с честью.

Отмечая крупное значение исследовательской работы наших выдающихся востоковедов и археологов, особенно Н. Я. Марра, В. С. Голенищева, М. В. Никольского, П. К. Коковцева, Б. В. Фаруаковского и др., Б. А. Тураев, однако, указывал, что систематическому и планомерному изучению истории Востока не уделялось у нас подобающего внимания. Он высказал целый ряд интересных соображений о планах и перспективах дальнейших работ. В первую очередь он считал необходимым учреждение при университетах, и прежде всего при Московском университете, кафедр различных отраслей востоковедения. Б. А. Тураев также поднял важный вопрос о необходимости организации русских научных экспедиций в Египет и другие области классического Востока. «Едва ли мы можем быть равнодушны и к тому, что вблизи русской границы берлинские учёные откапывают даже дипломатические архивы хеттских царей, а у нас ни в Тифлисе, ни в столицах хеттская старина, интересная сама по себе и по отношению к старине нашего Юга, почти не представлена»¹, — писал он.

Критикуя недостатки постановки изучения истории Востока и археологии в царской России, Б. А. Тураев как бы предвидел ши-

рокий разворот исследований в этих областях после создания новых научных учреждений. В последнем варианте его «Введения» к курсу истории древнего Востока мы читаем: «...изучение древнего Востока можно считать задачей, важность которой для нашей науки уже осознана. Мы, её представители, возлагаем особые надежды на основанную в 1919 г. в Петрограде Академию истории материальной культуры, задачи которой не ограничиваются исследованием России в археологическом отношении, но в числе рядов коей имеются и изучающие древний Восток в археологическом и историко-художественном отношении»².

Надежды, высказанные Б. А. Тураевым, оказались оправданными. Академия истории материальной культуры (ныне Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии наук СССР) и другие научно-исследовательские учреждения Советского Союза далеко продвинули вперёд изучение интересовавших Б. А. Тураева проблем. Всесоюзное археологическое совещание в феврале—марте 1945 г. и последовавшая за ним научная сессия Института истории материальной культуры наглядно продемонстрировали успехи и достижения археологических исследований в СССР³. Видное место на этих совещаниях было уделено культурам, связанным с древним Востоком (особенно на юге СССР, на Кавказе и в Средней Азии).

Необходимо отметить, что Б. А. Тураев, ценивший труды учёных Запада, не закрывал, однако, глаза на зачастую совершенно ненаучную подоплёку их научных изысканий. Особенно критическое отношение он проявлял к немецкой науке, отражавшей хищнические стремления германского империализма. В статье «Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями» Б. А. Тураев говорит о попытках создания «новой мировой империи учёных варваров». «Сперва миссионеры, потом консулы, а потом и солдаты», — сказал ещё абиссинский царь Феодор; если бы он был в Турции, он должен был бы к миссионерам прибавить учёных, особенно археологов...» Тураев отмечал, что «стремления воинствующего германизма не ограничивались Малой Азией, Сирией и Месопотамией — они вторгались и в наши пределы. Кавказский хребст должен был служить границей между австрийским Grossfürstentum Kiew и азиатскими колониями Германии. Для подготовки германской Армении учреждались специальные общества и снаряжались учёные экспедиции»⁴.

² См. «Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию» под общей редакцией академика В. П. Потёмкина. М. 1945.

³ Тураев Б. «История древнего Востока». Т. I, стр. 6. М.—Л. 1936.

⁴ Тураев Б. «Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями», стр. 3—4.

¹ Тураев Б. «Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями» (журнал «Хождение по Руси и за рубеж»). (Экскурсионный Вестник) за 1915 г., № 1, стр. 12.

Являясь носителем передовых традиций русской науки, Б. А. Тураев не раз отмечал грубую тенденциозность немецких учёных, претеч фашистских мракобесов, гнусно извративших науку. Всем известно отрицательное отношение Б. А. Тураева к шумихе, поднятой немецкими ориенталистами в связи с так называемым панвизантизмом. От пристального внимания нашего учёного не укрылась и политическая тенденция, соответствующая хищническим замыслам последнего Гогенцоллерна, Вильгельма II, с его пресловутым планом Берлин—Багдад. В письме ко мне от 22 декабря 1903 г. Б. А. Тураев пишет по поводу модного тогда вопроса о «Babel und Bibel», поднятого немецким учёным Деличем: «Вы совершенно правы, когда говорите, что у нас трудно писать об этом вопросе по причинам, «ничего общего с наукой не имеющим», но дело в том, что и сама тема Делича мало имеет общего с наукой. Понадобились деньги и высочайшее покровительство для раскопок... — прибегли к последнему ресурсу — Вильгельму, для чего пустили в ход популяризацию под громким и довольно пошлым заглавием. В знаменитых фортрагах нахала Делича нет ничего нового, кроме сомнительных сопоставлений. Всё верное в них давно уже было известно учёным в трудах Винклера, Циммерна, Гоммеля, Лемана и др. ассирологов, менее кричащих о себе. Шумиха, поднятая Деличем, объясняется не тем, что он открыл Америку, а именем Вильгельма и перенесением (по-моему, преждевременным) глужих вопросов из толстых специальных книг в легучую литературу, при довольно лёгком отношении к ним. Апологеты тоже впадают в крайность и берут неподходящий тон».

Акад. И. Ю. Крачковский прекрасно охарактеризовал Б. А. Тураева как учёного: «Он всегда сознавал себя русским учёным. Русский учёный обязан прежде всего работать над тем материалом по своей специальности, который, чаще всего в неразобранной груде, лежит у него на родине. Не увлекаясь тем, что за пределами, может быть, легче найти более интересные темы, он прежде всего должен привести в известность наличные памятники и по возможности сделать их доступными. Решения этой задачи, по крайней мере в области абиссиноведения, Б. А. достиг блестяще: ему единолично удалось сделать то, что для других областей в большинстве случаев не выполнено и несколькими поколениями учёных. Не только все старые коллекции были им обследованы и описаны, но каждое новое поступление сейчас же отмечалось. И тут Б. А. не считал нужным обходить молчанием даже мало интересный с обычной точки зрения памятник, хорошо сознавая, что в настоящей стадии разработки трудно решить, навсегда ли он останется таким»⁵.

То, что сказал акад. Крачковский относительно работы Б. А. Тураева по абиссиноведению, относится в полной мере и к его работам по египтологии. Не кем иным, как

Б. А. Тураевым, описаны египетские памятники в русских музеях и собраниях⁶. Им же проделана огромная работа по изучению известной голенищевской коллекции Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. При этом Б. А. Тураев, в отличие от других учёных и музееведов, не ограничивался только описанием памятников, а подвергал их исследованию в специальных этюдах. Особый его интерес привлекали памятники, обнаруженные на территории СССР. Так, им опубликованы ценнейшие работы *Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie Meridionale* («Revue archéologique». 1911), статья «Скарабеи с острова Березани» («Известия Археологической комиссии». Вып. 40-й. 1910) и др.

Б. А. Тураев зорко следил за всеми новейшими открытиями в области древневосточных культур на нашей территории и горячо приветствовал крупнейшие достижения русских учёных. Он не раз и письменно и устно отмечал замечательные открытия академика Н. Я. Марра, с широким размахом и с исключительной эрудицией ставившего и разрешавшего интереснейшие и важнейшие проблемы, увязывая данные археологии с языкознанием в историческом аспекте. «Глава петроградской школы, акад. Н. Я. Марр, — пишет Б. А. Тураев, — поставил кавказоведение на совершенно новую почву; его грандиозные обобщения, равно как и его раскопки в Анийском районе, достаточно известны всем»⁷.

Б. А. Тураев придавал большое значение блестящему труду профессора Б. В. Фармаковского «Арханчешский период в России». В нём установлена связь Кавказа со Скифией, а также сходство Майкопских сосудов с ассирийским и хеттским искусством, но в то же время подчеркнуто их местное происхождение. Б. А. Тураев отметил, что в своей работе Б. В. Фармаковский «ещё раз подчеркнул важность памятников ванской и хеттской культуры не только саму по себе, но даже и для понимания нашей родной старины и даже современности»⁸.

Исключительно важное значение Б. А. Тураев придавал изучению замечательных памятников Урарту — одного из древнейших очагов восточной культуры на территории СССР.

И в своём курсе и в других печатных и устных выступлениях Б. А. Тураев неоднократно подчёркивал актуальность археологического обследования урартийских памятников. Им была составлена и специальная «Записка о древностях Вана и сопредельных местностей»⁹.

⁶ Зап. Вост. отд. Русск. Археол. Общ. XI—XII, 1897, и другие издания.

⁷ Тураев Б. «Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями», стр. 6—7, см. также о Н. Я. Марре в «Истории древнего Востока». Т. I, стр. 39—40. М.—Л. 1936.

⁸ Там же, стр. 7.

⁹ Зап. Вост. отд. Русск. Археол. Общ. XXII, 1915.

⁵ Крачковский И. «Б. А. Тураев и христианский Восток», стр. 5, П. 1921.

Изучая первоисточники по истории древнего Востока, исключительным знатком которых он был, Б. А. Тураев с особым вниманием останавливался на тех данных, которые в той или иной степени были связаны с далёким прошлым нашей страны. Так, им опубликована была интереснейшая статья «Скифия в иероглифической надписи»¹⁰, в которой он подверг разбору Суэцкую надпись, где говорится о саках. Б. А. Тураев высказывал предположение, что саки в остроконечных шапках — скифы. Примечательно трактует он в своём докладе на X Всероссийском археологическом съезде в Риге «Вопрос о финикийцах на Балтийском море»¹¹.

Б. А. Тураев был первым русским учёным, создавшим своё оригинальное построение истории древнего Востока, основанное на исчерпывающем изучении многочисленных первоисточников и их мастерской интерпретации.

«История древнего Востока» Б. А. Тураева по широте охвата, стройности и мастерству изложения не находит себе равных в зарубежной науке.

Начиная с глубокой архаики, автор доводит своё изложение истории древнего Востока до времён позднейшего эллинизма. Он уделяет место в своём труде (в отличие от традиционных зарубежных построений курсов древнего Востока) и Напате, и Мероэ, и Аккумскому царству, и пунической культуре. Б. А. Тураев в особой главе останавливается на исторических судьбах Ванского царства (Урарту), отмечая его выдающуюся роль в истории древнего Востока. Б. А. Тураев неоднократно обращает внимание на культурные связи юга СССР, Кавказа и Средней Азии со странами Переднего Востока. При этом он широко пользуется данными замечательных археологических открытий русских учёных. Б. А. Тураев с большой тщательностью отмечает те вклады в науку о древнем Востоке, которые были сделаны русскими востоковедами, историками и археологами и которые за рубежом в большинстве случаев замалчиваются. В курсе Б. А. Тураева ярко проявляется его изумительное и проникновенное знание первоисточников, красочные выдержки из которых он часто приводит в мастерски сделанном им переводе. Б. А. Тураев был не только историком, но и филологом. «История древнего Востока» написана изящным и образным языком. Можно вполне присоединиться к авторитетному отзыву крупнейшего востоковеда академика В. В. Бартольда, который в качестве рецензента по присуждению золотой медали Русского археологического общества Б. А. Тураеву за «Историю древнего Востока» писал: «В труде проф. Тураева русским читателям впервые предложен обзор истории древнего Востока, представляющий самостоятельный труд

русского учёного, внимательно изучившего труды учёных Западной Европы и отдающего им полную справедливость, но идущего своим путём и отмечающего всё, в чём отразилась культурная связь древнего Востока с Россией и что могло обратить на себя внимание только русского исследователя. В истории русской науки появление труда проф. Тураева навсегда останется выдающимся событием»¹².

Б. А. Тураев всегда очень интересовался русской историей и непрестанно следил за всеми новейшими работами в этой области. Он принимал участие во всероссийских археологических съездах (в Риге и в Киеве) и в областных археологических съездах (в Твери).

И в своём курсе и в других работах Б. А. Тураев особое внимание уделял истории науки. Его эрудиция, знакомство с литературой предмета, как прошлой, так и настоящей, были поистине феноменальны. Успехи и достижения русской науки фиксировались с величайшей тщательностью Б. А. Тураевым. Скажем, но мастерски написанный очерк русской науки о древнем Востоке до 1917 г. дан Б. А. Тураевым в серии, предпринятой Комиссией по истории знаний Академии наук СССР. О работах русских учёных, посвящённых изучению христианского Востока, Б. А. Тураев говорит в своей работе «Россия и христианский Восток». Следя за развитием науки, Б. А. Тураев откликался на текущие новинки систематическими обзорами и отдельными рецензиями (в «Журнале Министерства народного просвещения», «Гермес», «Исторических известиях», «Византийском временнике» и других изданиях). Хорошо известные его обзоры новейшей литературы по коптоведению и абиссиноведению, в течение ряда лет публикуемые в «Византийском временнике». В «Исторических известиях» № 1 за 1917 г. помещён обзор Б. А. Тураева «Наука о древнем Востоке за 1914—1916 гг.».

Отдавая дань уважения виднейшим деятелям науки прошлого, Б. А. Тураев заботливо вышестовывал кадры новых научных работников. Тураев как учитель — это тема особая, требующая больше чем упоминания. Мне лишь хочется подчеркнуть, что и здесь Б. А. Тураев продолжил славные традиции крупнейших русских учёных, создавших «школы» историков. Сам он всегда вспоминал о благодетельном влиянии знаменитого византиниста акад. В. Г. Васильевского, учеником которого в известной степени себя считал, и главы петербургских ориенталистов академика Розена. Он с большим уважением относился также к виноградовской школе всеобщих историков и к школе русских историков, созданной В. О. Ключевским. Б. А. Тураев не раз с восхищением говорил о Н. Я. Марре как о руководителе, заражавшем своим научным энтузиазмом молодых учёных. Самому Б. А. Тураеву принадлежит неотъемлемая честь создания целой школы историков древнего Востока,

¹⁰ Сборник статей, посвящённых С. Ф. Платонову, стр. 356—360. СПб. 1911.

¹¹ Труды X Всероссийского археологического съезда в Риге. Т. I, стр. 201—213. М. 1899.

¹² Зап. Вост. отд. Русск. Арх. Общ. XXIV, стр. 268.

особенно египтологов. Б. А. Тураева можно, безусловно, назвать отцом русской египтологии, до него не имевшей самостоятельного существования. Благодаря трудам Б. А. Тураева и целой плеяды его учеников русская египтология вышла на одно из первых мест. Б. А. Тураев чрезвычайно заботливо относился к подготовке кадров, считая это одной из основных задач своей профессорской деятельности.

В семинариях и на практических занятиях, поставленных Б. А. Тураевым на огромную высоту, получали свою закалку молодые египтологи. Пристальное и углублённое изучение первоисточников и методы работы над ними — вот что ставилось им во главу угла. Сам до предела познавший живительную силу первоисточников, Б. А. Тураев требовал такого же отношения к ним и от своих учеников. Б. А. Тураев заботился о выращении молодых научных сил не только в пределах своей специальности. Говоря о необходимости подготовки археологов-практиков, Б. А. Тураев с чувством гордости за русскую науку отмечает: «Они могут выработаться из лиц, командированных для занятий под руководством Н. Я. Марра в Ани и Б. В. Фармаковского в Ольвии. Прошедшие эту школу могут быть вполне готовыми и надёжными исследователями, так как раскопки двух названных учёных принадлежат к числу наиболее научных и значительно выше многих из ведущихся западноевропейскими, иногда с громкими именами»¹⁴.

Б. А. Тураев никогда не отказывал в совете и указании по тем или иным научным вопросам, всегда оказывая помощь непосредственно обращающимся к нему. Несмотря на исключительную перегруженность и занятость, Б. А. обстоятельно и подробно отвечал на письменные запросы. Я вспоминаю, как, будучи ещё студентом Московского университета, я обратился к Б. А. с некоторыми вопросами о феодализме в Абиссинии и просил указать соответствующую научную литературу. Б. А. не замедлил ответить и в своём письме от 17 февраля 1904 г. дал интереснейшую характеристику феодальных отношений в Эфиопии, которую я считаю великим привнесением целиком: «Вы спрашиваете о земельных отношениях в Эфиопии. Мне представляется, что там до сих пор не исчезли те феодальные порядки, которые можно проследить с XIV в. и которые существовали, несомненно, и раньше. Для читателя хроник, встречающего на каждом шагу множество титулов владетельных лиц, не может быть сомнения, что в древней Абиссинии существовала своя лестница вассалов и сюзеренов, которая ещё ждёт исследователя. Зара-Якоб (отчасти и его предшественники) пытались прибрать страну к рукам, делая сензорами более крупных владений своих родных, и действительно, до XVIII в. центральная власть была крепка, затем нача-

лось новое распадение; появляются «расы» отдельных областей, пока Феодор II снова не восстановил империи. Кроме светских владетелей были, есть и будут духовные. Церковь — государство в государстве, так как её имения не подлежат светской юрисдикции. Монастыри владеют громадными имениями (только в Эритрее итальянцы их секуляризовали, заменив богатые доходы ничтожной субсидией). Сионский собор в Аксуме и священный город Лалибала — крупные сенсоры. В первом царит протоисрей «набр-эд» («ставленный») — настоящий средневековый духовный князь; в Лалибале такую же роль играет архимандрит — «махерд-манбар». Интересным материалом, кроме хроник, житий св. и т. п., могут служить приписки в рукописях — монахи заносили на свободные места дарственные записи царей и вельмож в пользу своих обществ». Этот ответ Б. А., представляющий образец научной консультации, наглядно свидетельствует об исключительно внимательном отношении известного профессора к научным запросам студенческой молодёжи.

Занимаясь по преимуществу специальными исследованиями, Б. А. в то же время никогда не забывал и о задачах популяризации исторических знаний. В этом также сказывается привлекательная черта русского учёного, не зачехляющегося в глухие стены своего кабинета. Ещё в 1903 г. Б. А. задумал издание серии книжек по классическому Востоку, первым выпуском которой была его работа «Остатки финикийской литературы». В письме ко мне от 14 декабря 1903 г. Б. А. Тураев, сообщая об этом начинании, высказывает опасение, что дело ограничится «единственным выпуском». Он пишет: «Людей у нас мало, да и те по горло заняты и не в состоянии уделять время популяризации». Однако, занятый не менее других, Б. А. Тураев это время находил. Любопытно, что для этой серии Б. А. просил М. В. Никольского обработать историю Ванского царства, судьбы которого, как я уже отмечал выше, привлекали особое внимание Тураева. Удачнее были начинания Б. А. в Москве в 1915—1917 гг., когда при его ближайшем участии и под его редакцией было осуществлено издание двух сборников «Древний мир»¹⁵ и семи выпусков серии «Культурно-исторические памятники Древнего Востока». В озаглавленной серии Б. А. Тураев опубликовал свой мастерски сделанный перевод рассказа египтянина Синухета. Б. А. с исключительным интересом относился к этим изданиям, выикал во все детали, обращал большое внимание на подбор рисунков и т. п.

С честью представляя русскую науку, Б. А. Тураев пользовался огромным авторитетом среди учёных Запада. Его работы были неоднократно опубликованы на иностранных языках; он принимал участие в таких

¹⁴ Тураев Б. «Задачи русской науки на Переднем Востоке в связи с настоящими мировыми событиями», стр. 10.

¹⁵ «Древний мир». 1. Восток. Под ред. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина и неск. изд. и «Древний мир на юге России» под ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского. М. 1917.

крупных международных предприятиях, как издание «Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium», причём эфиопские археологические источники даны были им в образцовом латинском переводе. Рассказывают, что во время международного археологического конгресса в Каире Б. А. буквально поразил весь синклит тогдашних корифеев египтологии во главе с маститым Масперо, быстро разобрав крайне сложную и трудную для прочтения иероглифическую надпись. На письменном столе Б. А. всегда можно было увидеть все новинки текущей литературы по истории древнего Востока, коптологии, абиссиноведения и по другим отраслям исторического знания, присылаемые ему в знак уважения учёными чуть ли не со всех концов света.

В истории русской науки Б. А. Тураеву отведено почётное место. Конечно, многие

из его общенсторических построений в настоящее время неприемлемы, в отдельных случаях также нужны коррективы и дополнения. Б. А. Тураев был чужд марксизму, его методологические идеи были далеки от научных. Ряд утверждений, содержащихся в работах Тураева, должен быть решительно отвергнут. Советская историческая наука отбрасывает идеалистическое мировоззрение и идеалистические концепции Б. А. Тураева. Но его исследования, основанные на точнейшем и детальнейшем изучении первоисточников, представляют огромный научный интерес и значение. Его научное наследие имеет большое значение. Б. А. Тураев по праву занимает одно из первых мест в рядах прославленных представителей русской науки, внесших ценнейшие вклады в общую сокровищницу мировой исторической науки.